Письмо XV

Читтенден. Ноябрь.

С тех пор как я начал эти рассказы, я получил столько[1] одобрительных писем со всех частей Америки от совершенно незнакомых мне личностей, как и от приятелей, и узнал столько лестного о себе во всевозможных газетах и журналах, что теперь, когда письма мои подходят к концу, я очень естественно чувствую сожаление, расставаясь с такой любезной публикой.

Также многочисленные знаки симпатии и признательности не только воодушевляют меня и поощряют к исполнению долга, но и доказывают степень интереса, возбужденного в публике сюжетом моих писем. От глубины всей души моей желал бы я доставить утешение тем скорбящим, глубоко раненным сердцам, которые ежедневно взывают к помощи моей, чтобы я мог разъяснить их сомнения и поощрить надежды, но вся полезность моя как инвестигатора пропала бы безвозвратно, если бы я принял на себя роль пропагандиста!

Когда я смотрю на письма, разбросанные по моему столу от матерей, заклинающих меня отпереть им двери утешения в их сердечной тоске и скорби, не находящей успокоения; от осиротелых, любящих дочерей, оплакивающих их безвозвратную утрату матерей и отцов; от разлученных смертью женихов и невест, мужей и жен, которые чувствуют отрадное верование в победу[2] над смертью и логикой, если только я успею доказать действительность описываемых мною феноменов, – тяжелое, мучительное сознание ответственности, принятой мною перед лицом всех этих скорбящих личностей, пока я не докажу торжественно истину явлений, описываемых мною, глубоко овладевает мною и заставляет поступать еще осмотрительнее.

Позвольте мне попросить вас взглянуть на мое положение, судя, например, по следующему письму, полученному мною от совершенно незнакомой мне дамы, которое даст вам типичное понятие и о других, подобных ему. Заметьте в нем преобладающее чувство нежного сожаления, мучительного ожидания, веру в мое мнение и окончательную решимость положиться во всем на меня в ожидании узнать, существует ли в действительности целительный бальзам для ран, терзающих ее сердце:

«Я не извиняюсь перед вами за беспокойство, зная, что оно было бы бесполезным перед следующим заявлением: я мать, оплакивающая потерю единственного ребенка; мать, алчущая выше всяких слов[3] услышать эхо дорогого голоска, который всегда находил привет и ласку для “мамы”, скорбящая и жадно ожидающая почувствовать еще раз прикосновение маленьких ручек, которые сложились неподвижно уж более года.

Осмелюсь ли я попросить вас уведомить меня, позволят ли мне братья Эдди посетить их дом, словом, могу ли я надеяться, что они примут меня к себе на неделю или более?

Как вы думаете, может ли действительно моя девочка явиться мне у них? Мне кажется, что я могла бы почувствовать себя еще раз *почти* счастливой, если бы я увидала хоть на одну короткую минуту моего ангела с ее темными кудрями и черными глазками, такой, какой она была до болезни.

Дорогой полковник Олкотт, умоляю вас, напишите мне, как поступить в этом случае? Я чувствую, что имею право говорить за целую армию осиротевших матерей. Тот день придет, не сомневайтесь, когда они “все станут перед вами и назовут вас благословенным[4]!”».

Бедная, дорогая леди! что могу я ответить ей на такой призыв? Кроме одного, что исследования мои представляют все данные для благополучного окончания; что у меня налицо лучшие доказательства и всякие причины надеяться, что она еще раз увидится лицом к лицу со своей незабвенной девочкой; что я видал несколько других материй, рыдающих от полноты

[1] Далее зачеркнуто: писем.
[2] Далее зачеркнуто: их.
[3] Далее зачеркнуто: эхо.
[4] См.: «Встают дети и ублажают ее» (Притч. 31, 28).

счастья при виде возлюбленных своих, которых они полагали до той минуты отторгнутыми навеки от себя, разлученными с ними навсегда землей, засыпавшей их гробовые доски.

Я знаю, что я никогда не выставлял себя в роли учителя и что, напротив, я старался[5] постоянно держать себя простым компилятором фактов,[6] наблюдателем феномена, предоставляя каждому составлять свое собственное решение, но вот являются толпы людей, представители, без всякого сомнения, тысяч других, которые надеются на меня[7] вследствие этих фактов, и смотрят на меня именно с той самой точки зрения, которую я постоянно старался избежать. Поэтому осторожнее.

Духи, доселе виденные мною, были или индейцы, или белые американцы, или же европейцы, переселившиеся в наш Новый Свет. Вплоть до 2го октября я не видал ни одного духа другой национальности, но вот в этот самый вечер явился восточный зритель,[8] араб, приятель одной сидящей с нами леди, хорошо известной в литературном мире под псевдонимом «Тетушка Сю». Он был маленького роста, сухой и мускулистый и[9] самый его *салаам*[10], обращенный к знакомой ему леди, резко отличался от неловких поклонов индейцев и киваний головой неграциозных янки. Имя его Юзеф. Он был одет в белую тунику, собранную у пояса широким кушаком из шали, и в красной феске. За поясом под курткой торчал кинжал, которого я не мог хорошо рассмотреть. На все вопросы он отвечал почтительными поклонами, и его прощальный жест был того почтительного, но в то же время полного сознания собственного достоинства[11] свойства, который составляет столь отличительную черту жителей Востока.

1

За ним вышло несколько индейцев, обычных посетителей платформы у Эдди, потом сама мрс Эдди, которая в видимо дурном расположении духа обратилась к сидевшей среди зрителей дочери и сделала ей за что-то выговор. Последним появился старый Браун; этот дух обменялся с сыном несколькими словами по поводу дома и новых строений, которые тот затеял, и затем,

[5] Далее зачеркнуто: д.
[6] Далее зачеркнуто: простым.
[7] Далее зачеркнуто: и.
[8] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 24 ноября) (см. рис. 1) с подписью Е.П.Блаватской «Дух Юзефа»; подпись внизу рисунка: «The spirit Yusef» («Дух Юзефа»).
[9] Далее зачеркнуто: его.
[10] Салам – восточное приветствие, почтительный поклон.
[11] Далее зачеркнуто: характера.

пожелав всем спокойной ночи, он отретировался за занавес. Но через минуту он снова вернулся и, обращаясь к одной незнакомой нам леди, которая, как потом оказалось, приехала под чужим именем и дочь которой являлась к ней в материализованном образе накануне, сурово спросил ее: «Эта девочка, что приходила к вам вчера вечером, *ваша* дочь?» Мать отвечала утвердительно. «Имя ее Элиза, а как ее фамилия?» – продолжал любопытный дух. Леди сконфузилась и после минутного колебания отвечала шепотом: «Смит». «Как?» – переспросил старый дух насмешливо. «Смит», – отвечала та,[12] растерявшись еще более. «Гм! – проворчал Браун, – надеюсь ради ее собственной чести, что, по крайней мере,[13] *она* никогда не поставит себя в такое фальшивое положение, чтобы находиться вынужденной *отрекаться* от своего собственного имени», и с этими словами повернулся и ушел. Подобное уличение во лжи духами происходило несколько раз во время моего пребывания у Эдди; поэтому советую особам, которые стыдятся записывать свои настоящие фамилии наряду с именами спиритуалистов, лучше совсем не ездить[14] в Читтенден, так как не было еще ни одного примера, чтобы духи не осрамили[15] подобных особ на публичных сеансах, громко уличая их в обмане.

Во время «темного» сеанса[16] того вечера я получил еще одно добровольное со стороны духов доказательство их силы и могущества. Подобное проявление должно бы было поставить в тупик каждого скептика, менее упрямого, чем наши теоретики «непроизвольного мускулярного сокращения». Мои патентованные весы стояли на платформе направо от «кабинета» на том самом месте, где производился опыт с Хонто. Мы только что насладились игрой Майского Цветка на концертине, и на этот раз исполнение ее было совершенно очаровательным; затем она стала играть вместе с целым, как нам показалось, сонмом духов, и прелесть этой музыки оставила в нас глубокое впечатление. Эта маленькая девочка-призрак, – о которой я не могу говорить иначе, как с чувством искренней нежности, до такой степени внушает она всем привязанность своей любящей детской наивной натурой, – только что окончила довольно плохую импровизацию на заданную тему «о музыке, картинах и “войне и мире”», когда Дикс объявил нам, что если мы посидим все смирно, пока станет играть невидимая скрипка, то он постарается приготовить для нас экстраординарную штуку, усилив свою батарею. Мы исполнили его желание, и в продолжение десяти минут комната оставалась безмолвной; не слышалось ни малейшего шороха, кроме тихих звуков от времени до времени *тремоло* скрипки. Маленькая Майский Цветок неслышно ступала от одного зрителя к другому, трогая нас своей гитарой, потом вдруг раздались вой, шум и гам безумной индейской пляски.

Услыхав возню возле моих весов, я понял, что приготовляется нечто новое. Наконец, они загремели вдоль платформы с таким оглушительным стуком, что я невольно подумал, что духи ломают машину, и стал мысленно рассчитывать, сколько мне придется заплатить за нее на следующее утро; едва успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как раздался смех Джорджа Дикса и голос духа произнес следующие слова: «Не беспокойтесь мр Олкотт; я не сломаю вашей машины, не для чего вам заранее бояться»; и он спокойно стал свистать, продолжая работать над машиной, как веселый нагрузчик над тюками товаров. Достигнув до ступеней платформы, ведущих в залу, весы полетели с грохотом вниз и были прикачены через всю длину комнаты недалеко от стула медиума, где они и остановились. Мы слышали, как кто-то ступил на площадку машины, как коромысло стукнуло о пружину как бы под напором сильной тяжести, и голос Джорджа заметил: «А ну-ка я погляжу, сколько я вешу», и затем, передвинув вес вдоль зарубков и переменив один перевесок на другой, он объявил 163 фунта[17]. Я спросил его о вышине его роста и он ответил мне: «5 футов 8 дюймов[18]». Тогда раздался голосок Майского Цветка, приговаривавший: «Свесь меня теперь, Джордж!», и ответ последнего: «Ладно, влезай»; и мы услышали, как другая, более легкая фигура взошла на площадку; раздался снова стук коромысла с

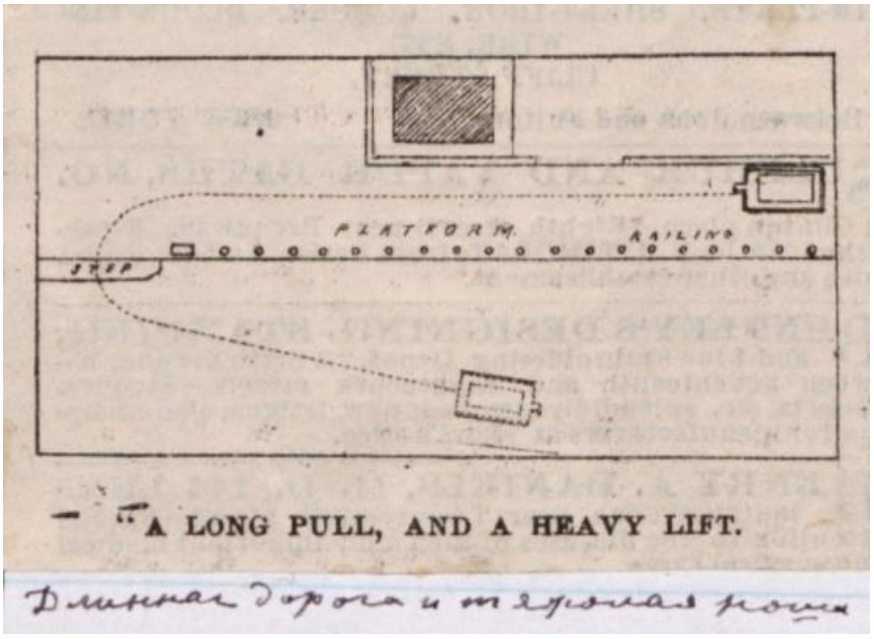
[12] Далее зачеркнуто: еще.
[13] Далее зачеркнуто: хоть.
[14] Далее зачеркнуто: лучше.
[15] Далее зачеркнуто: их.
[16] Далее зачеркнуто: в.
[17] 74 кг.
[18] 1,73 м.

другой переменой перевесков, и голос Джорджа потребовал[19] огня. Зажгли спичку и затем сальный огарок, и мр Пул[20] из Ново-Джерзея[21] и мр Вилкинс из Вермонта, которые оба были выбраны в тот вечер членами «комитета» для того, чтобы вязать медиума, прикреплять его к стулу и вообще следить за ним, сперва тщательно осмотрели веревки и нашли узлы, как и печати, нетронутыми, а затем приблизились к весовой машине и, осмотрев ее со свечой, объявили, что коромысло указывало на сорок фунтов[22]. Но медиум, заговорив голосом духа, называемого Французской Мэри, сказал: «Нет; оно показывает всего 38 фунтов[23]»; истина замечания этого оправдалась, как только осмотрели циферблат немного тщательнее, сняв копоть со свечи. Замечу здесь, что если кому-нибудь пришло бы в голову сказать, что медиум знал точную цифру, потому что совершал сам всю вышеописанную штуку, то ему придется в подобном случае объяснить следующее:

1. Каким образом, передвинув машину подобной тяжести с платформы вниз и представив всю эту комедию взвешивания самого себя, этот медиум мог в одну секунду очутиться опять на своем стуле, так же крепко привязанным и с нетронутыми печатями на узлах, точно в таком же положении, в каком он был оставлен «комитетом» *до* погашения свечи?

2. Допустив такое чудо, что он мог развязать себя, не ломая печатей, и затем снова завязать себя в темноте, что я положительно отрицаю, как мог он видеть в таком[24] непроницаемом мраке мелкую цифру на циферблате и знать наверное, где остановить коромысло на зарубке до такой степени верно, чтобы быть в состоянии безошибочно поправить никем не ожидаемую ошибку со стороны «комитета»?

Для меня этот эксперимент представляет не только интерес по своему выполнению, но несомненное доказательство либо великой силы во власти духов и способности их читать и видеть в совершенном мраке, либо того, что медиум в силу ясновидения мгновенно видит вещи в их настоящем, самом подробном виде. Следующая диаграмма показывает дорогу, по которой дух перетащил тяжелую машину; всё расстояние составляет 33 фута и 6 дюймов[25].[26]

2

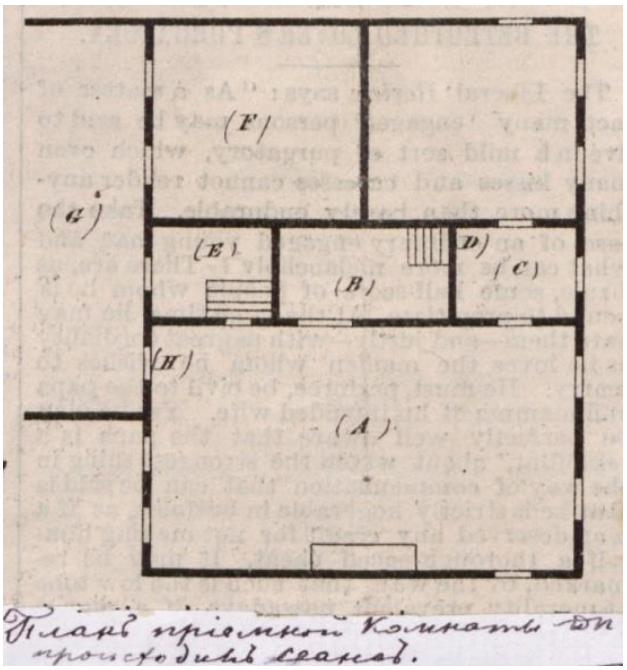
[19] Далее зачеркнуто: све.
[20] Poole.
[21] Нью-Джерси (New Jersey).
[22] 18 кг.
[23] 17 кг.
[24] Далее зачеркнуто: самом.
[25] 10,2 м.
[26] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 24 ноября) (см. рис. 2) с подписью Е.П.Блаватской «Длинная дорога и тяжелая ноша»; подпись внизу рисунка: «A long pull, and a heavy lift» («Долгий путь и тяжеловесный груз»).

Последующий сеанс как верное доказательство истины феномена был, по-моему, одним из самых удовлетворительных из всех виденных мною[27] именно потому, что он доказал *вне всякого сомнения*, что ни зала сеансов, ни сам «кабинет» для материализаций, ни платформа с воображаемыми ее подземными ходами, ни даже само окно в «кабинете», которое столько тревожило беспокойные души скептиков и поверхностных исследователей феномена, не имели ничего общего с явлениями духов. Ровно за несколько минут до того времени, как нам[28] пришла пора отправляться на сеанс наверх, заметя, что оба брата Эдди находятся в необычайно хорошем расположении духа, я предложил, – признаюсь, с полным ожиданием отказа, – чтобы в этот вечер сеанс держали в приемной комнате, где мы все сидели в то время, собравшись вокруг огня. Но к удивлению моему Уиллиам тотчас же согласился; послали за старым занавесом или, скорее, за заменяющей оный шалью над дверью «кабинета», вынесли из бокового чулана под лестницей несколько рубах и платьев, принадлежащих[29] спавшему там работнику братьев, Джо, его набитый соломой тюфяк да пару старых сапог, и мы приготовились к сеансу.

Читатель легко поймет важность этого сеанса, взглянув на следующий план:

A – приемная зала;[30] B – маленький темный чулан под лестницей, выходящий единственной дверью в приемную; C – передняя, вход с улицы; E – ступени, ведущие в погреб; F – спальная Уиллиама Эдди, выходящая *только* в столовую (G); H – дверь из приемной в столовую.

Чулан (B) – 9 фут[ов] 2 дюйма длины и 5 ф[утов] 3 д[юйма] ширины и 8 футов высоты[31] – поистине узкое место[32] для спальной комнаты, а когда дверь его заперта, то[33] вместе с этим и роковое для всяких легких, привыкших к свежему воздуху. И однако же то спальная Джо, нашего старого приятеля, музыкального, но упрямого работника, столь знакомого всем посетителям Эдди. Во всяком случае, в этом чулане не существует окна, и отсутствие оного должно сразу успокоить подозрения беспокойного психолога; поэтому-то я и заключил, что если духи успеют материализоваться в нем и явятся к нам в полной форме, то такой факт подвинет вперед нашу теорию лучше всякого другого.

3

[27] Далее зачеркнуто: а.

[28] Далее зачеркнуто: было.

[29] Далее зачеркнуто: раб.

[30] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 24 ноября) (см. рис. 3) с подписью Е.П.Блаватской «План приемной комнаты, где происходил сеанс».

[31] 2,79–1,6–2,4 м.

[32] Далее зачеркнуто: поистине.

[33] Далее зачеркнуто: и роковое.

Прежде чем повесить занавес на дверь, Уиллиам заставил меня насильно войти в чулан и осмотреть всякий угол в нем, но так как я уже заранее испробовал прелесть вдыхания его злокачественной атмосферы еще в то время, как осматривал с экспертом весь дом, и уже убедился, что в нем не было ни тайных ходов, ни опускных дверей, то я стал противиться всем силами подобному визиту. Но медиум не унимался и объявил, что сам не войдет в чулан, прежде чем я не осмотрю его; поэтому, зажав себе нос и рот носовым платком, скрипя сердце, я отправился туда с лампою в руке и в сопровождении других джентльменов. В чулане не было ничего, кроме голого деревянного пола и стен; поэтому, ощупав Уиллиама с ног до головы, дабы увериться, что на нем не было скрытых костюмов и, убедясь, что кроме пестрядиной рубашки на голом теле,[34] пары панталон да смазанных[35] сапог на нем не было даже носового платка, я оставил его одного и затем уселся с другими зрителями. Мы образовали[36] полукруг в виде арки прямо против дверей чулана, и те, которым пришлось сесть далее других, находились всё-таки не более как на восьми футах[37] расстояния от «кабинета». Лампу поставили на полку возле камина, и она горела в этот вечер очень ярко, так как фитиль почти совсем не опускали.

Нам пришлось ожидать недолго;[38] через две или три минуты шаль была приподнята и из-под нее выскочила Хонто, живая и резвая, как лесная белка. Она была одета в очень светлое платье с перевязанным вокруг пояса шарфом ярко красного цвета, с ее великолепными волосами, распущенными до самых колен и составлявшими на ней как бы огромную мантию. Она подошла к двери столовой, приподняла щеколду и отворила[39] ее настежь; затем она приступила к своей обычной пляске, смеясь и хлопая в ладоши. Она выдергивала шаль за шалью из ног старого мр'а Притчарда и из плеч его, заставляя его и охать от удивления, и сжиматься[40] всякий раз от страха; потом она направилась[41] к правой стороне двери от «кабинета» и стала прямо против меня, вперив неподвижный взор на голую доску половицы. Следя за ней, все зрители очень естественно стали смотреть на ту же точку. Сперва никто не мог приметить ничего, кроме довольно грязных досок, но вдруг… что-то зачернело и будто зашевелилось на полу, и наша Хонто, грациозно протянув указательный и большой палец правой руки, схватила эту вещь и, встряхнув ее, на воздухе перед нашими глазами[42] явилась новая кружевная черная ткань! Таким образом, в двух футах от моего собственного носа она произвела весь процесс материализации неодушевленного предмета, оставив меня, как поймет всякий, в большом восхищении.

В отчете Лонд[онского] Диалектического общества о спиритуализме на странице 328 в показании мисс Анны Блэкуел[43] перед «комитетом» говорится следующее: «Под вторым разрядом (то есть в отношении влияния и власти духов над "токами" и "силами", составляющими сумму планетарного существования) можно поместить призрачное появление рук, лиц, животных, птиц, цветов и проч., которое производится духами сгущением, находящихся в атмосфере материальных элементов всех этих псевдоформаций и которых посредством применения к ним электро-жизненной силы при неизвестных еще нам, смертным, условиях духи могут одушевлять временной жизненной силой, но которые, не имея души, остаются во всё это время в бессознательной между собой связности и тотчас же по остановке токов, вызвавших их формацию,[44] их соединенные частицы разъединяются и, распавшись, возвращаются к сродственным им элементам. Леди Д. ручается мне в том, что она сама видела, как "великолепный

[34] Далее зачеркнуто: да.
[35] Необходимо: смазных.
[36] Далее зачеркнуто: к.
[37] 2,4 м.
[38] Далее зачеркнуто: так как.
[39] Далее зачеркнуто: двери.
[40] Далее зачеркнуто: от.
[41] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 24 ноября) (см. рис. 4) с подписью Е.П.Блаватской «Волшебная фабрикация шалей»; подпись внизу рисунка: «Miraculous shawl making» («Чудесное создание шали»).
[42] Далее зачеркнуто: тут.
[43] Anna Blackwell.
[44] Далее зачеркнуто: эти.

белый цветок в диаметре в столовую тарелку с длинными пурпуровыми тычинкам” мгновенно появился на стуле возле нее в один вечер, когда она сидела в своей гостиной с мр’ом Д.Д.Юмом; цветок оставался видимым для них в продолжение двух минут и затем “он испарился в воздухе”»[45].

4

На странице 332, описывая появление черноволосого человека, который прошел через солидную, цельную стену в ее присутствии, она добавляет:

«Духи уверяют нас, что сплошная материя нашей сферы отношений также нечувствительна и неприметна для них, как и флюидическая материя их сферы для нас, и что они сознают ее и могут действовать на нее только посредством наших собственных мыслей и организмов»[46].

Когда Хонто простилась с нами, за нею явилась старая мрс Притчард, которая была одета, по своему обыкновению, в серое платье и белый передник с белым же кисейным платком на шее; она поговорила с сыном и ушла.

Тогда явилась из «кабинета» прелестная молодая женщина с ребенком на руках, которая была узнана сестрой своей. То была мрс Жозефина Дòу[47] из того же Читтенденского округа. Она умерла 24 года тому назад девятнадцати лет отроду. Платье ее сияло[48] белоснежной белизной и падало вокруг ее фигуры широкими развевающимися складками, собранными вокруг пояса шнурком, так что верхнее драпри талии ложилось на нем чрезвычайно классически. Ее каштановые волосы падали волнистыми прядями на грудь и шею ее, и когда она стояла перед нами, тихо улыбаясь и лаская своего младенца, мне казалось, что я никогда не видал ничего восхитительнее этой картины. Она ушла в «кабинет» в то самое время, как из него раздавался старческий голос мрс Итон, говорившей мне: «Мр Олкотт, вот сюжет, выбранный нами для будущей иллюстрации вашего художника. Дух ее сейчас вернется к вам без ребенка, так, чтобы мр Кэппис (художник) мог лучше разглядеть ее», и дух действительно вернулся один и стал по правую сторону занавеса. Правая беленькая ручка ее лежала на груди, а левая грациозно повисла, полуисчезая в складках платья; так неподвижно стояла она и смотрела художнику прямо в глаза.

[45] Report on Spiritualism, of the Committee of the London Dialectical Society. London, 1871. P. 328.
[46] Там же. P. 332.
[47] Josephine Dow.
[48] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 24 ноября) (см. рис. 5) с подписью Е.П.Блаватской «Дух мрс Жозефины Дòу. “Мадонна с младенцем”»; подпись внизу рисунка: «The New Madonna» («Новая Мадонна»).

Тогда снова раздался голос мрс Итон, объясняя нам, что дух молодой женщины вернулся[49] один, потому что требовалось столько лишней силы для материализования ребенка, что мать, потратив на него свою долю, оказалась слишком слабой сама, чтобы быть в состоянии оставаться на виду долее, и должна была пожертвовать внешней формой своего младенца, дематериализовав его сперва, а затем уже явиться, чтобы дать себя хорошенько осмотреть. Блэк[50], ирландский живописец, бывало, видал невидимых для других духов, которые вызывались служить ему моделями для портретов его, посещая его в мастерской, когда он находился в ней один, но кто когда слыхал, чтобы материализованный дух нарочно приходил к художнику сидеть для портрета своего в присутствии пятнадцати или более зрителей?

5

После «Мадонны с[51] младенцем», как я тотчас же наименовал прекрасного духа, мы увидали духа Уиллиама Пэк[к]ерда, при жизни из Албани и внука старой мрс Притчард, который оказался столь хорошо расположенным к горячей дружбе с нашим молодым художником, что по просьбе этого джентльмена он подвинулся к нему вдоль стены, белые шпалеры которой обрисовывали его фигуру еще ярче и яснее, и позволил ему пожать себе руку. Лицо у него было круглое, и он носил длинные черные усы. На нем был темный клетчатый пиджак и темные панталоны, однобортный жилет и белая рубашка с воротником и белоснежными манжетами.

Но в каком мы были восхищении, увидав неожиданно перед собой саму таинственную мрс Итон, старческий дребезжащий голос которой мы слыхали почти каждый вечер из-за занавеса «кабинета». То была маленькая старая сморщенная старушонка в старомодном кисейном чепце с крыльями и лентой, завязанной торчащим бантом на макушке, в сероватом платье и клетчатой

[49] Далее зачеркнуто: без.

[50] Уильям Блейк (Blake, 1757–1827) – английский поэт, художник, визионер.

[51] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 24 ноября) (см. рис. 6) с подписью Е.П.Блаватской «Дух Уиллиама Пэк[к]ерда»; подпись внизу рисунка: «The Spirit William Packard» («Дух Уильяма Паккарда»).

шали,[52] скрещенной на ее груди. Она выступила на несколько футов от занавеса и, посмотрев на меня пристально, но моргая беспрерывно веками, сказала мне, что она видела нашу иллюстрацию в «Дэ[й]ли Графике» под заглавием «Призрачная карета», и, находя ее совершенно верной во всех подробностях ее, не могла посоветовать нам ничего лучшего. Я изъявил ей мое искреннее удовольствие, что наконец вижу ее саму лично, узнаю ее голос, когда она говорит, и вижу движение губ ее, так как теперь она несомненно доказала всем присутствующим, что голос, слышаный нами так часто наверху, был ее собственным голосом, а не голосом медиума, как[53] некоторые особы думали. Она ответила мне на это, что именно потому-то она и материализовалась и что всё общество духов, посещающих Читтенден, соединилось вместе в тот вечер и, внушив мне мысль о перемене комнаты для предстоящего сеанса, заставило медиума согласиться тотчас же на мою просьбу. Как она, так и все прочие духи хорошо знали, как горячо желал я не столько для самого себя, как для полнейшего убеждения публики, чтобы исследования мои в Читтендене привели бы к несомненному доказательству о существовании возвращающихся к нам духов и вообще об истине феномена. «Сами они, – добавила она, – желают вам успеха и готовы помогать вам, насколько то будет им возможно, но духи, так же как и люди, подчинены различным окружающим им условиям, и там, где зрители и присутствующие постоянно меняются, не представляя даже в продолжение двух вечеров сряду одних и тех же магнетических эманаций, нам невозможно делать всего того, что мы желали бы и сами, не только что исполнять чужие требования».

THE SPIRIT "WILLIAM PACKARD."

Духъ "Уильяма Пэкерда"

6

За нею вышел старый, аристократического вида джентльмен с умным, красивым лицом и проницательным взглядом. Серебристые кудри его были зачесаны с затылка вверх как бы для прикрытия лысины. Он был одет в черный, совершенно новый,[54] хотя и старомодного покроя фрак, застегнутый до самой шеи, и в таких же очень узких панталонах. Он говорил тихим и медленным, но чрезвычайно выразительным и ясным голосом и отвечал на несколько вопросов находящегося между нами родственника своего, который потом сказал мне, что этот джентльмен жил в Давенпорте, где он и умер тридцать девять лет тому назад восьмидесяти двух лет отроду.

[52] Далее зачеркнуто: которая.
[53] Далее зачеркнуто: иные.
[54] Далее зачеркнуто: но.

Следующая посетительница была Августа, четырнадцатилетняя девочка, одетая в светлое короткое платье; радостно улыбаясь, она подошла к узнавшей ее матери своей, сидевшей возле меня.

Последний явившейся к нам дух был Джеремия Мэк-Криди[55], живший до смерти в Каюгском графстве[56]. Материализация этого сильного духа была вполне удовлетворительной; таким образом окончился этот достопамятный и необычайный сеанс феноменов.

Как описать мне[57] радостное чувство, овладевшее мною после результатов этого вечера? Собственно давно убежденный в личной честности Уиллиами Эдди, уверенный на самых благоразумных данных, что для этого медиума оказалось бы совершенно физической невозможностью разыгрывать роли стольких разнообразных, бесчисленных особ, представляя в одну минуту 80-летнего патриарха или же согбенную старостью бабушку, в следующую – юную мать-красавицу с младенцем на руках или же еле ходящего трехлетнего ребенка; затем великана-индейца; потом пляшущую стройную скуòу, нередко смелого наездника из Араратской долины или же темнолицего феллаха, являющегося прямо из пустыни, расстилающейся у подножия египетских пирамид; затем ломать свой неповоротливый язык, заставляя его произносить шепелявые, гортанные и носовые звуки восточных наречий самых несродственных языков, которых, исключая разве двух-трех членов ориентального общества или какого-нибудь редкого лингвиста-знатока[58] восточных языков, конечно, никто и не подозревает, не только что знает в нашей стране; убежденный лично сам, говорю я, на всех этих пунктах, подозрения знакомых висели тяжелым бременем на моей душе, и, странное дело, несмотря на это[59] искреннее убеждение,[60] окно «кабинета», не существующие западные двери, тайные хода и переодетый Уиллиам ложились, однако же, черной тенью чаще, чем бы я желал, между внутренним зрением моим и простыми голыми фактами.

Каюсь и сознаюсь: когда Хонто, та же меднолицая индианка, курящая трубку, фабрикующая шали, пляшущая, смеющаяся Хонто, вышла из чулана Джона и стала передо мною, я испытал более чем простое чувство удивления. Только в эту минуту[61] я вполне сообразил, сколько подозрения гнездилось у меня самого в груди до того вечера. К тому же мне трудно верилось и казалось почти невозможным, чтобы эти таинственные *гальванопластики*[62] могли фильтрировать сквозь такие толстые, смазанные известью стены достаточно эссенции духовного материала, дабы смастерить внутри оных свои загадочные оболочки. Но вот передо мною стояла Хонто своей собственной персоной, вся она сама, до малейших, столь знакомых нам подробностей, с тем же стройным телом и великолепной массой черных волос, с теми же обычными ей змеиными движениями и дико живописными позами. Когда она исчезла, я стал ожидать появления последующего духа с таким же беспокойным сомнением, потому что даже тогда еще мне казалось почти невозможным, чтобы мог материализоваться в этом смрадном чулане еще один дух. «Хонто, – рассуждал я сам с собою, – домашний гений медиума, как и всего семейства, как-то непонятно связанный с ним таинственными, невидимыми нам узами,[63] эфемерное существование которого зависит от существования его самого; этот призрак дышит его атмосферою, и сердце ее должно соразмерять свои биения по биению его сердца; поэтому, быть может, она и может творить такие невозможности, которые совершенно недоступны другим духам…»

---

[55] Jeremiah McCready.

[56] Кейюга (Cayuga) – округ штата Нью-Йорк.

[57] Далее зачеркнуто: то.

[58] Далее зачеркнуто: в.

[59] Далее зачеркнуто: самое.

[60] Далее зачеркнуто: это.

[61] Далее зачеркнуто: только.

[62] electro-platers, то есть духи, «формы».

Гальванопластика – формообразование из цветного металла при помощи осаждения его из раствора (расплава) под действием электрического тока на матрице. Применяется для получения металлических копий предметов методами электролиза. Этот термин может использоваться и в качестве названия металлических предметов, полученных методом гальванопластики.

[63] Далее зачеркнуто: и.

Но вот опять среди этого вихря недоверчивости и сомнения выступило перед нами из двери того же чулана серо-белое призрачное видение старой мрс Притчард, глядя на которую самый накрахмаленный образ ее белого передника и чепца могли внушить непосвященному зрителю мысль, что оба эти предмета только что вышли из-под утюга прачечной. Тогда и только тогда явилась во мне твердая решимость сдаться; я сказал себе, что если бы целые легионы «скептиков» стали после этого сражаться против подобной гранитной скалы фактов и бесчисленные фаланги «ученых теоретиков» из всех углов мира продолжали бы трубить в свои копеечные трубы, то всё-таки они не успели бы не только что разрушить, но даже сдвинуть[64] на один волос этот неприступный Иерихон[65]. И я решил в уме своем, что если бы после этого вечера Уиллиам Эдди был пойман пятьдесят раз сряду на «высоких пробочных подошвах», в «женских шалях» и с «взъерошенными волосами», уличенный на месте в мошенническом представлении духов в те дни, когда условия атмосферические либо магнетические служили бы преградой к истинным манифестациям феномена, то и тогда достаточно было бы одного этого сеанса с его несомненными явлениями для убеждения всего рода человеческого. По крайней мере, из моей памяти он никогда не изгладится.

Один из ученейших профессоров Америки, который хвастает тем, что вполне изучил искусство фокусничества, выказывает между прочими свой закоренелый скептицизм касательно всякого спиритуалистического феномена в том, что, несмотря на все присяжные показания экспертов-механиков, осматривавших дом Эдди, полы, «кабинет» и стены в моем присутствии (как[66] и в присутствии многих неверующих), объявивших совершенную невозможность Уиллиаму производить эти феномены при единственном пособии одного себя, он всё-таки твердо верит в существование неизвестных соучастников (сам он никогда не бывал у Эдди), добавляя, что он терпеливо[67] выжидает времени, когда откроется это всемирное мошенничество, потому что, по его мнению, оно должно когда-нибудь непременно открыться. Он не обращает ни малейшего внимания на мр'а Крукса, ни на его Кэти Кинг, так как, по его собственным словам, исследования мр'а Крукса были только поверхностные. Что ж после этого остается ожидать мне самому?

В темном чулане Джона не оставалось ни одного лоскутка в величину ногтя, после того как его при нас вымели; не было там никакой обуви, кроме неуклюжих сапог медиума, красовавшихся на его собственных ногах, ни лент, ни париков, ни даже куска черного фиксатора, не говоря уже об отсутствии рукомойника с водой и полотенца; на особе его под одеждой также ничего не было, но напрасно было бы повторять сызнова сказанное мною прежде.

Между другими замечательными явлениями этого сеанса внимание серьезных изыскателей должно остановиться на двух самых главных выдающихся чертах феномена: появление и исчезновение ребенка и мгновенная формация кружевной шали на голом полу. Ошибиться на счет действительности ребенка не было возможности, разве совершенно слепому человеку. То не было белой массой тряпок, ни «обвитые пеленками колени медиума», ни ловко обвязанная подушка. То было живое движущееся дитя, которое с большим пальчиком правой руки, засунутым в рот, смеялось и подпрыгивало, пряча свою маленькую головку на груди матери и обвивая ее шею своей другой пухлой ручкой. Фигура призрака стояла слишком близко ко мне и в комнате было слишком светло, чтобы допустить возможность обмана. Можно подвергнуть галлюцинации одного человека, а не пятнадцать здоровых зрячих особ, которые все видят и замечают одно и то же. В продолжение[68] нескольких минут этот ребенок был также осязателен и без сомнения в такой же плоти, как и всякий другой, лежащий в то время на руках у земной матери. Созданный из невидимых частиц и атомов, летающих в зловонной атмосфере этого чулана, он был аннигилирован в одну секунду времени, как только разложились и распались составляющие его атомы, не оставив за собою ни малейшего следа своего призрачного существования. А шаль! В

[64] Далее зачеркнуто: ни.

[65] Иерихон – город VII–II тыс. до н.э. в Палестине (к северо-востоку от Иерусалима), в конце II тыс. до н.э. разрушен еврейскими племенами; по библейскому преданию, стены Иерихона рухнули от звуков труб завоевателей («иерихонские трубы»).

[66] Далее зачеркнуто: при.

[67] Далее зачеркнуто: о.

[68] Далее зачеркнуто: этих.

какой обители духов, в какой заоблачной мастерской или под каким невидимым, переплетенным лозами сводом (ведь рифмованные импровизации маленького Майского Цветка изобилуют воспеваниями ее сада и украшенного дивными цветами жилища, райских птиц и т.д.) была соткана ткань ее, чьи пальцы так искусно расположили узоры ее и завязали узлы широкой бахромы ее? Чья таинственная рука водила призрачным колесом не менее призрачного ткального[69] станка для создания этой внезапно сотворенной *из ничего* шали? О тайна из тайн! Какой Эдип[70] разрешит загадки твои? И скоро ли, долго ли придется ждать нам ответа, если только суждено нам добиться его на этой земле?

[69] ткацкого.

[70] Эдип в древнегреческой мифологии – царь Фив; явившись в Фивы, Эдип освободил город от страшного чудовища Сфинкса, разгадав ее загадку, за что Фивы избрали Эдипа своим царем.